

Анастасия Никитина

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ НЕКРОМАНТА

ГОСПОЖА ПОТУСТОРОНЬЯ

И.О. БАБЫ-ЯГИ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анастасия Никитина

И.о. Бабы-яги

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2021

«Издательство А.Л.Ф.А.-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н62

Серия основана в 2011 году
Выпуск 601

Художник
В. Успенская

Никитина А.

Н62 И.о. Бабы-яги: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3222-6

Жила-была Василиса. Не Премудрая, не Прекрасная. Просто Василиса Горохова, то есть я. И вот в один далеко не прекрасный день меня вдруг выдернули из привычной жизни, зашвырнули в другой мир и тут же работать заставили. Все бы ничего, да только рабочее место расположено посреди дремучего леса, в офисе на куриных ножках, а в секретарях у меня теперь ходит болтливый кот. А еще к должности прилагаются склочный леший и выводок богатырей-обалдуев. Ах да... любовь, кстати, тоже прилагается. Вот только что с ней делать, когда в этом офисе предусмотрен строгий дресс-код: нос крючком, зуб торчком и костяная нога.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Анастасия Никитина, 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3222-6

ПРОЛОГ

Яна

Солнечный зайчик пощекотал уголок глаза, и я, потянувшись, села. Хорошо все-таки летом. Волки по ночам не будят: Лешему есть чем заняться, кроме как серых дразнить. На печи спать не надо, всякий раз спросонья прикладываясь головой о низкую балку. Тишина, покой...

— Хозяйка! — Молодецкий голосок разорвал утреннюю негу как старую тряпку.

Тьфу ты! Я подскочила и заметалась по избе, хватаясь за все подряд и тут же это роняя.

— Хозяйка! Отворяй! Гостя принимай!

«Да чтоб тебе!» — выругалась я, пытаюсь дотянуться до полки с горшками и получив по лбу ухватом.

— Хозяйка!

— Иду, касатик! — гаркнула я, спотыкаясь о злобно шипящего кота.

«Ишь какой нетерпеливый попался. Впрочем, все они одинаковые. Хорошо еще, как вселилась, сразу забором озаботилась! Надо будет богатырям Черноморовым еще браги наварить за такое дело. А то у предшественницы моей как было? Явится какой Иван незванный, хоть дурак, хоть царевич, и сразу: «Избушка-избушка, повернись...» И летает бедная бабушка, невзирая на радикулит и застарелый перелом шейки бедра, по всей избенке, гадая, во что врежется головой. А потом еще и удивлялись, паразиты, с чего это Баба-яга такая злая?»

Я наконец нашла накладной нос с бородавкой и, кое-как приладив его на физиономию, замотала голову драным платком. Калитка заскрипела вполне аутентично, заставив меня

передернуться: сюда ручищи покоренных моей самогонкой богатырей еще не добрались.

— Чего надо?!

— Дык это... — полез в затылок очередной добрый молодец с румянцем во обе щеки.

«Дурак, — сделала вывод я. — Царевичи обычно быстрее соображают». Сложный мыслительный процесс, подталкиваемый пятерней в затылке, все-таки завершился, и гость поднял на меня просветлевшие глаза.

— Кощея бить надумал!

— А от меня чего надо? — проскрипела я, пытаюсь под прикрытием подоконника натянуть латаную-перелатаную юбку с пришитыми к подолу куриными костями. Если на накладной нос, вступая в должность, я еще согласилась, то шкандыбать на бабкином протезе отказалась наотрез.

— Дык это... — В ход снова пошла лопатообразная ручища.

Я вздохнула и, победив непокорную одежду, сгорбившись, поплелась к двери: все равно ведь не отстанет, дураки, они упрямые.

— По делу пытаешь али от дела летаешь? — проговорила я, подходя к калитке.

Мою корявую импровизацию дурак, разумеется, не заметил и юмор не оценил.

— По делу! По делу! — радостно закивал он. — А что это ты, бабка, такая недобрая? Сперва гостя надо накормить, в баньке попарить, а потом уже...

— А за какие заслуги я тебя, лба здорового, кормить должна? — демонстративно удивилась я.

— Дык это...

Я взвыла:

— Заходи, Иван-дурак, гостем будешь.

— А откуда ты имя мое знаешь? — замер тот. Я только глаза закатила и толкнула его в спину. Впрочем, гость сам нашел объяснение. — Значит, слухом земля полнится, и сюда вести дошли, что не жить Кощею Бессмертному, смерть его идет!

— Дело ты великое задумал, злого супостата извести, — проговорила я, проглотив замечание, что таких ходочков Кощей по три штуки в неделю принимает.

А что? Он у себя в подземельях шампиньоны выращивает, озолотился на этом деле. Грибочки-то во всех окрестных цар-

ствах уважают. Да еще круглый год. А работать кому? Правильно. Вот таким болтунам: отработают год, Кощеюшка им внушит, как они семь железных башмаков стоптали, утку поймали да его погубили, и восвояси отправляет. И все довольны. Им — слава, Кощею — дармовая рабочая сила и бессмертие. Он у нас экономный очень. Наверное, поэтому и богатый такой.

— Поможешь, бабка? — вклинился в мои мысли молодецкий бас.

Я недовольно поковыряла в зазвеневшем ухе.

— Помогу. Отчего не помочь? Дам я тебе клубочек волшебный. Он тебя к Кощееву царству и выведет.

— А меч? — с детской обидой пробасил Иван. — Чем я супостата воевать буду?

— Лопатой, — проворчала я и только потом сообразила, что произнесла это вслух и, судя по вытянувшейся физиономии, меня услышали.

В принципе, не соврала. У Кощея как раз сезон заготовки субстрата под грибы. Но дураку об этом знать не положено.

— Волшебной лопатой, — поправилась я. — Ну кто тебя с мечом во дворец пустит? А с лопатой — пожалуйста. Ты еще мешок какой-нибудь на плечи приладь для маскировки. А как Кощея увидишь, так и махни на него лопатой этой, он заржет... э-э... как богатырский конь, и помрет!

— От страха? — вытаращив глаза, уточнил Иван.

— От смеха! — буркнула я.

— Чего?

— Чего-чего! Да ничего! Лопата зачарованная! — выкрутилась я.

— А-а-а! — расплылся в понимающей улыбке Иван. — Понял. То-то его никак не убьют... Потому что мечами машут. А надо лопатой!

— Да, да! — закивала я, подпихивая кощееборца к выходу. — Вот тебе клубочек. Вот тебе лопата. Все. Иди! Подвиги не ждут!

Вытолкав дурака за калитку, я присела на завалинку и перевела дух. На колени сразу вспрыгнул толстый черный кот.

— От одного дурака отделаться — легче вагон угля разгрузить, — сказала я ему, почесав за ухом.

Лопату было жалко. Клубочками и мечами меня Кощей снабжает исправно, а вот лопата была моя собственная. Ею богатыри мне по очереди огород копали.

Васька запрыгнул мне на плечи, развалившись лохматым черным воротником, и замурчал. Я расслабилась, наслаждаясь импровизированным массажем.

— Хех... Всем ты хорош, котяра. Носки не разбрасываешь, половики грязными лапами не топчешь... Идеальный муж... Ну, почти.

— Хозяйка! — гроыхнуло из леса, и за калиткой появился сначала блестящий шлем, а потом и румяная рожа какого-то из богатырей.

Васька зашипел и махом вонзил в меня десяток когтей.

— Да чтоб тебе! — обозлилась я, сбрасывая на землю наглую животину.

— Черномор-батюшка велел кланяться и спросить, али помощь какая требуется?

— Не требуется! — отрезала я и, развернувшись, ушла в избу.

Я уже жалела, что на заре своей карьеры, желая угомонить дуревших от скуки Черноморовых богатырей, угостила их самогонкой. Корчевать лес вокруг моей избышки они прекратили, зато повадились каждый день навещать меня в надежде на продолжение банкета. И ладно бы только навесить... Они мне еще и услужить пытались. Иногда это получалось, тот же забор. Но чаще их усердие оборачивалось чем угодно, только не пользой. Недавно они перекопали мне весь двор вместо десятка грядок. Пару недель назад построили для избышки высокий помост: мол, у нее курьи ножки в траве мерзнут. Представляете, как я материлась, отправившись утречком посетить будочку у забора и сверзившись с трехметровой высоты?

Почесав до сих пор поднывавший на погоду локоть, я достала из печи чугунок с кашей и поставила рядом крынку с молоком. Стол качнулся, и молоко плеснуло на белую скатерку.

— Сюда бы богатырское рвение приладить, — проворчала я, подпихивая под ножку щепку. — Васька! Иди завтракать.

Но кот, испуганный воплями похмельного богатыря, как в воду канул. Я пожалала плечами и села за стол. Очередной день моей личной сказки начался как обычно.

Они все были такими. Сначала новизна и сказочная лесная жизнь притягивали и развлекали. Оживающие на глазах сказки, волшебные создания, колдовство... Но постепенно все это приелось и я привыкла. Привыкла щелкать пальцами, чтобы растопить печь. Привыкла к лесным обитателям, безголовым богатырям и скандальному Лешему. Периодически появляющиеся царевичи, Аленушки и прочие Серые Волки поначалу вносили некоторое разнообразие. Но это поначалу... Да что там, я даже к дуракам и то уже привыкла. Ну, почти...

Кстати, вы знали, что Буян — никакой не остров, а полуостров? А никакое государство здесь не обосновалось потому, что магии слишком много, а не из-за отдаленного расположения. Пусть бы кто попробовал Буян своим объявить. Сразу бы получил войну со всеми королевствами, какие только на свете есть. Политика, сэр, ага.

Вообще, Пушкин много чего перепутал, а еще больше наврал. Но это не его вина — бабуля моя постаралась. Говорила, что нечего смертным много знать, состарятся скоро. Вот и весь сказ. Теперь вот она от дел отошла и меня на свое место поставила волшебство хранить. Буян этот самый то есть. Поначалу весело было. Сколько я кровушки тому же Кощею испортила... Эх! Вспомнить приятно! Но теперь у нас с ним мир и взаимопомощь процветают, а больше никто на Бабулю-ягулу в моем лице не покушается. Скучно жить.

С полгода назад еще и Черномор, начальник богатырей и такой же хранитель Буяна, как я, заходить перестал. С ним веселее было. В картишки там перекинуться, богатырями в войнушку поиграть, просто посидеть по-человечески. Я даже, грешным делом, вообразила, что нравлюсь ему. Размечталась...

Это самогонка проклятая виновата. Я его Новый год учила праздновать, ну и... В общем, дело было так.

Я как раз закончила защитный ритуал зимнего солнцестояния и безвольной тряпочкой развалилась на лавке. Напротив сидел Черномор, задумчиво покручивая смоляной ус. Если бы не он, то первый свой ритуал без бабули я бы с треском провалила. Когда древняя магия, отозвавшись на мой зов, навалилась на плечи свинцовым плащом, я чуть не нырнула в

чертов котел с зельем. Благо бабуля предвидела что-то подобное и обязала Черномора за мной присмотреть.

— Устала? — спросил он, помолчав.

— Есть немного, — пожалала плечами я.

Вроде бы стыдиться нечего: все прошло как надо. И все же мне было немного не по себе. Черномор, сильный, спокойный, уверенный, понравился мне с первого дня. И узнав, что мы будем, по сути, коллегами, бок о бок защищая этот странный мир от вмешательства извне, я безумно обрадовалась. Даже бабулины уроки, поначалу казавшиеся чистым мракобесием, обрели свою прелесть. Потому что иногда на них появлялся он.

Если сначала усатый воин отнесся ко мне с недоверием, как же, та самая чужачка, от которых он призван защищать этот мир, то потом мне удалось доказать, что я тоже воспринимаю свою неожиданную профессию всерьез. Когда бабуля ушла, мы уже многое делали вместе, понимая друг друга с полуслова. От того же Коцея отбивались, морской народ в чувство приводили... Мы были слаженной командой и делали одну работу.

И вот, пожалуйста... Я со своей частью не справилась!

— Не выдумывай, — покачал головой Черномор, и я поняла, что последнюю фразу произнесла вслух. — Если бы ты не справилась, то и я ничего не смог бы сделать. В моих силах только помочь. Так же как и ты: сможешь вылечить богатыря от ран, но в бой его не поведешь. Понимаешь? Дело одно, обязанности — разные.

Я тряхнула головой, отгоняя неуместную меланхолию.

— Ну, раз мы такие замечательные работники, то заслужили корпоратив!

— Что заслужили? — опешил воин.

— Праздник такой специальный. Для сотрудников! — усмехнулась я.

— Да? — недоверчиво протянул он. — У вас так делают? И что будем праздновать?

— А... э... — Я завертела головой и наткнулась взглядом на заснеженную елку. — Новый год!

Он только непонимающе поднял брови. В двух словах объяснив, что это за праздник такой, я сунула руки в рукава

тулупа и выскочила на опушку, фирменным свистом Яги вызывая Лешего. Черномор кликнул богатырей, и через полчаса перед избушкой на курьих ножках все завертелось.

Снег с елки стряхнули, Лешак приволок из лесу корзину шишек и пригнал десяток зайцев-беляков. Косые поглядывали на нас с опаской, но послушно стали водить под елкой хороводы. Впрочем, когда я вытащила из погреба связку морковки, зайцы оживились и заскакали вполне искренне. Богатыри развесили на ветвях шишки и какие-то запасные детали чешуи, которая «как жар горя». Ель сразу стала настоящей новогодней. Стол накрыли прямо тут. Ну и я выставила туда большую бутылку настоящего на березовых почках бабкиного самогона.

Новый год встретили весело. Даже куранты были, когда я сумела объяснить одному из витязей, что это такое. Оказывается, если со всей дури вмазать булавой в щит, звук получается тот, что надо, — не отличить. Черномор взирал на все это мельтешение со снисходительной улыбкой, но держался в основном рядом со мной, осаживая особо развеселившихся воинов.

Рассвет мы встретили вдвоем, разлив по кружкам оставшийся самогон.

— Как ты говоришь, — Черномор поднял кружку, — за сотрудничество?

— За долгое и плодотворное сотрудничество! — Я успела сделать несколько глотков под импровизированный бой курантов. В голове слегка шумело, и внезапно захотелось пошалить. — И кстати, ты пьешь неправильно. За такое хорошее дело можно и на брудершафт выпить.

Не дожидаясь его согласия, я переплела наши руки и подтолкнула его кружку вверх: пей! Он неожиданно легко подчинился, опрокидывая жидкость в рот. А я, вдруг забыв про выпивку, потянулась вперед и коснулась губами его губ. Усы, как выяснилось, совершенно не мешали. Как, впрочем, и борода. Зато губы оказались теплыми и мягкими, с легким прикусом настойки и такими нежными...

Я ожидала, что вот-вот мне на спину лягут его руки. Да что там... Я хотела этого... Но он вдруг отстранился.

— У нас целовать так принято только нареченную, — медленно проговорил он, сверля меня каким-то напряженным взглядом.

Хмель с меня моментально слетел, я сообразила, что направила и как это выглядит в глазах представителя этого мира. «Твою мать! Что ж из меня двадцать первый век никак не выветрится! Он же меня сейчас гулящей считает!»

— Ты не думай! — поспешно заговорила я. — Это просто такая традиция! В Новый год! Это ничего не значит!

— Да? — неуверенно спросил Черномор, ничем не напоминающая сейчас прославленного нескгибаемого воина. Скорей уж он был похож на сбитого с толку прапорщика.

— Да! Извини, если обидела. У нас с друзьями, коллегами так можно. Вот я и вспомнила. А невест... Нареченных по-другому целуют, их любят...

— А коллег не любят?

— Любят, но по-дружески. Понимаешь? Ну, как ты своих витязей любишь...

— Я с ними не целуюсь! — возмутился Черномор.

— Так это для коллег-женщин традиция, — попыталась выкрутиться я. — А нареченным положено в любви признаваться, цветы, подарки дарить и всякое такое. Ну и нравиться они друг другу должны. Вот мне, например, мужчины нравятся нежные, заботливые. Чтобы выслушать могли, согреть, когда нужно...

Он молча встал и ушел. Я чуть не выругалась вслух. Показала мужику, как на брудершафт пить надо, молодец!

На следующий день я сходила на побережье, где стоял терем витязей, но Черномора не нашла. Он вообще стал исчезать всякий раз, когда я появлялась на берегу. И сам больше в мою избушку не заглядывал. Короче, дурные замашки двадцать первого века мужик не понял и не воспринял. Теперь я его только издали на взморье и видела. А мне его не хватало...

Я мотнула головой, отгоняя печальные воспоминания, и взялась за кашу. Надо еще зелье от мышей сварить, а вечером с Лешим скандалить: опять он грибы от моего дома отвел и буреломом огородил...

— Хозяйка! — снова прилетело из-за калитки.

Я вздохнула, приладила на место бутафорский нос и пошла открывать.

Новое утро началось с грохота и русского матерка: два богатыря перетаскивали через забор стол размером с мою печку.

— Хозяйка! — обрадовались они, заметив в окне мою заspanную рожу. — Будь доброй, отвори калиточку!

Сплюнув, я накинула на плечи шаль и вышла во двор.

— Вот! — выдохнул один из богатырей, установив деревянного монстра посреди двора. — Черномор-батюшка велел кланяться...

— Ну конечно! — перебила я. Этой присказкой богатыри раз за разом сопровождали каждую свою ненужную услугу, то ли стесняясь, то ли побаиваясь впрямую просить самогонку. — Черномор-батюшка дурень слепой и в избушку мою не захаживает! Или это ему с пьяных глаз палаты царские там померещились?! Куда мне такую махину? Она и в дверь не пройдет!

Два атлета синхронным движением полезли в затылки.

— Извиняй, хозяйка, ошибочка вышла...

— Ошибочка у них вышла! — все больше распалялась я, ежась под утренним ветерком. — У вас ошибочка, а мне потом с Лешаком скандалить! Сколько вы леса на эдакого урода перевели?! Да мне же с ним не расплатиться будет! И вообще, нашли, когда за самогонкой явиться, дурни!

— Ну, извиняй, хозяйка, — одновременно развели руками балбесы.

— Под яблоню поставьте, — буркнула я, постоянно обходить четырехметровую столешницу, торчащую посреди двора, мне не улыбалось.

Вернувшись в избу, я с сомнением покосилась на развороченную постель на лавке, но досыпать было уже поздно. Прибраться и позавтракать много времени не заняло. Зато я успела успокоиться и уже не брызгала ядом на каждую не вовремя скрипнувшую половицу.

Наконец с уборкой было покончено, и посреди комнаты появился большой медный котел. Я плюнула под него, зажигая магический огонь, и влила ведро воды, заготовленное еще с вечера. Начиналось то, ради чего я на самом деле жила здесь.

— За темным лесом, за Белой горою кати мелким бесом, пройдишь метлою, — шептала я, ритмично взмахивая помелом. — Собери ветер, собери тучу, мир чист и светел, выбирай получше...

В котле медленно закручивался серый водоворот того, что уже никак не напоминало родниковую воду. Мимоходом удовлетворенно кивнув, я потянулась за травами. Руки машинально метали в варево один ингредиент за другим, губы беззвучно шептали заговор, и сперва едва заметный парок над зельем густел, превращаясь в темно-зеленый смерч.

— Возьму силу. Отдам силу. Кто бы ты ни был. Не быть тебе милу. Стеною встану. На пути незримо. Кто бы ты ни был. Идти себе мимо.

Над полом плыл мутный туман, который медленно смешивался с парами моего варева и втягивался в открытый зев печки. По вискам сползали капли пота, а помело, казалось, стало свинцовым, но я упрямо повторяла слова древнего заговора:

— Мир закрытый. Жизнь чужая. Кого ни спросят. Никто не знает. Ворота скрыты. И стен не видно. Подумай: «Нету». Не так обидно.

— За стеною вои млады. Чужому гостю не будут рады. Зайти за стену не хватит прыти. А кому хватит, тому не выйти... — вплеся в мой ослабевший голос густой бас Черномора, и поверх моих пальцев на помело легли его большие мозолистые ладони.

Сразу стало гораздо легче. Не то чтобы с меня сняли ту бесконечно тяжелую плиту древней нечеловеческой магии, что давила на плечи, пригибая к земле. Но ее мощь определенно стала мягче... «Выносимее», как бы странно ни звучало это слово.

— За темным лесом, за Белой горою кати мелким бесом, пройдишь метлою. Бери зелье, бросай в небо. Не войдет тот, кто прежде не был, — закончили мы уже вдвоем.

Одновременно с последними словами туман со свистом втянулся в печь, и на мгновение в мире воцарилась безлунная ночь. Но лишь на мгновение или даже меньше. Как будто моргнул и снова смотришь на яркие лучи солнца и лениво шевелящиеся под летним ветром листья.

— Зачем сама? — хмуро спросил он, когда я немного отдышалась.

— Бабка сама завивала, и я сама должна, — упрямо мотнула головой я. — Не можешь же ты всю жизнь меня за руку держать.

— Гуртом и батьку бить сподручнее, — криво улыбнулся он.

— Родителей уважать надо, а не бить. Тем более гуртом, — буркнула я.

Черномор опустил голову.

— Совсем я тебе не люб. Что ни сделаю, все мимо.

— Что? — опешила я.

— Да ничего, — махнул огромной ручищей он. — Это потому, что мы эти... Как их... Коллеги?

— Ты о чем?

— Да все о том же! — вспылил всегда спокойный как удав Черномор. — Не хочу я коллегу! У меня этих коллег вон тридцать три штуки блещут! Я уже и так и сяк! Но нет, на кривой козе и то не подъедешь!

— Какой козе? — окончательно растерялась я.

— А хоть какой! Я все делал, как ты говорила! Цветы? Так меня Лешак уже хуже гнили болотной ненавидит. Я ему летом все окрестные поляны оборвал.

— Зачем? — только и смогла произнести я, вспомнив странные охапки лесного сена, все лето появлявшиеся на заборе. Они собирали у моей избушки целые стада коз и оленей. Я тогда заколебалась навоз выгрести, думала, мне Леший так мстит.

— Тебе цветы носил. Ты же говорила, что у вас так принято. Потом колоду медовую приволок в подарок. Кто ее в болото выкинул?!

— Ну я, — призналась я, с трудом подавив желание почестать внезапно зазудевший зад, искушенный пчелами из той колоды.

— Вот! Я решил, ладно, может, что не то дарю. Котом перекинулся, все твои желания слушал да исполнял. Хочешь крышу перекрыть — богатырей прислал. Хочешь огород вскопать — пожалуйста. Коза в лес убежала, сам по болоту скакал, выискивал. На стол жаловалась — за ночь сделал! А ты заругалась да на улице его бросила! Что тебе не так?!

— Котом перекинулся? — наконец осознала зацепившую меня фразу я. — Я же при коте... О господи!!!

Щеки налились предательским жаром. Я вскочила и схватила первое, что попало под руку.

— Извращенец! — Помело опустилось на голову обалдевшему воину. — Подглядывал?!

— Ты что! Я к стеночке отворачивался! Всегда. Ну почти всегда! — Он прикрыл голову руками.

— Почти?! Ах ты! Я тут страдаю, что хорошего человека обидела! Оскорбила своим распущенным поведением! А он подглядывает! Цветочки он, видите ли, носил! Да я чуть лопату не стерла, навоз от лесных тварей выгребая, что на твои цветочки собирались! А он...

— А он любит тебя! — рявкнул Черномор, и я вдруг поняла, что помело еще летит куда-то в сторону печки, а меня уже прижимают к каменной груди сильные руки воина.

— А? — тупо переспросила я, не делая попыток вырваться. — Правда?

— Правда, — гораздо мягче отозвался он. — Я тебя сперва за чужачку принял. Потом лишь понял, что душа у тебя наша, родная. Я твоей руки у бабки просил, да она меня на смех подняла. Говорит, эта ягода тому в руки дастся, кого сама выберет. Да только ты на меня и смотреть не хотела, обидел я тебя холодным приветом. И теперь еще добавил...

— Как это не хотела, — очнулась я. — Очень даже хотела!

— Любушка, — выдохнул витязь, зарываясь лицом в мою растрепанную косу. — Птаха ты моя сизокрылая. Так люб я тебе?

— Хозяйка! — Густой бас разорвал тишину. — Я пришел тебе поклон отдать!

— Это кто? — спросил Черномор, и я явственно услышала, как скрипнули зубы.

Я попыталась в маленькое окошко рассмотреть, кого бесы принесли в такой момент.

— Поклон тебе за совет да науку!

— Это вроде Иван-дурак! — наконец сообразила я. — Этот — не отстанет...

— Дураки, они упрямые, — со вздохом озвучил мои мысли Черномор, разомкнув стальное кольцо рук.

— Я быстро! — пообещала я, на ходу преобразаясь в старую бабку.

Увидев меня на пороге, дурак просиял и отвесил поясной поклон.

— Спасибо тебе, хозяйюшка, за науку. Век буду тебе благодарен! И новой помощи прошу.

— Какой? — спросила я, пытаюсь сообразить, как этот болван так быстро выбрался из подземных плантаций Кощея.

— Задумал я Горыныча воевать...

— А Кощей? — пискнула я.

— Он, как меня увидел, сразу ржать начал. Так я на него лопатой махнул, как ты велела. Он и помер.

— От смеха?

— Не... Козьим орешком подавился. Не иначе лопата зачарованная сработала...

Глава 1

ПОЗДРАВЛЯЕМ. ВЫ НАЗНАЧЕНЫ

— Как такое вообще могло случиться?!

Я плавала на грани беспамятства, не чувствуя ни собственное тело, ни окружающее пространство. Кажется, даже дышать не было никакой необходимости. Вот только громкий визгливый голос раздражал до безумия.

— Ты гарантировала положительный результат! Так откуда здесь это чуцело?!

Крикунье кто-то отвечал, но гораздо спокойнее, так, что слова до меня доходили как невнятное «бу-бу». Зато уж солистка старалась за двоих.

— Это результат?! Да как я, по-твоему, предъявлю это князю?! А Илюшка-то как обрадуется, когда такую образину увидит! Кровь?! Ну и что?! А все остальное куда девать?! Ни рожи ни кожи! А волосы?! Мне что сказать: «Ваша дочь случайно облезла, светлейший князь! И поседела! Ключьями! Разумеется, исключительно от счастья лицезреть дорогого папашу!» Почему у нее волосы двухцветные?!

«И зачем так орать? — Мысли текли ленивым сиропом, не вызывая никаких эмоций. — Двухцветное мелирование с неровными прядями, между прочим, последний писк моды. У меня тоже такое. Было... И вообще... Подобранную посреди улицы тетку, конечно, не в частную клинику привезли, но и для муниципальной больницы обстановочка...»

И тут меня кто-то встряхнул, насильно вытаскивая из уютного кокона бесчувствия.

— Эй, ты!

Я поморщилась и невольно открыла глаза. Точнее, я их открывала... Открывала... Открывала... И никак не могла завершить это простейшее действие, вытаращившись как обалдев-

ший баран. И было отчего. Во-первых, визгливая крикунья оказалась крикуном — толстячком-коротышкой в расшитом золотыми звездами балахоне и остроконечной шляпе, залихватски съехавшей на затылок. И ладно бы только это. Но нет! Вместо облезлого больничного потолка, который я ожидала увидеть, надо мной нависали толстые балки, пучки каких-то трав и веревок и, господи, гадость-то какая, жирная летучая мышь!

— Где я?

Не самый оригинальный вопрос, но ничего лучше мои заклинившие мозги выродить не смогли.

— О! Очухалась! — взвизгнул писклявый толстяк и, оттолкнув меня обратно на жесткую лежанку, вытащил большой, обшитый кружевами платок.

Ощутимо треснувшись затылком, я подскочила:

— Да что вы себе позволяете?!

— Значит, так, Яга, — заговорил он, брезгливо протирая каждый палец и не обращая на мое возмущение никакого внимания. — Это — не годится. Тяни другую.

— Какую-такую другую, Мурлен? — фыркнула из угла не замеченная мной ранее старушка. — Нареченная потому и зовется «нареченной», что ее нарекли, а другой нет и быть не может!

Пропустив мимо ушей странный диалог, я во все глаза уставилась на... На Ягу! Самую настоящую сказочную Баб-бу-ягу: с бородавкой на здоровенном крючковатом носу и одним-единственным зубом, выпирающим изо рта. Даже (гроссбух мне на макушку!) костяная нога в наличии имелась: торчала из-под цветастого подола и весело постукивала косточками.

— Я Мерлин! Сколько раз повторять?! — побагровел крикун и брезгливо скривился, наткнувшись на меня взглядом. — Это — можешь оставить себе на жаркое. По косточкам покатайся-повалаяться... Ну, сама разберешься.

— Да уж разберусь, разберусь, Мудлен, — ухмыльнулась бабка, цыкнув зубом.

— Я Мерлин! — снова взвился тот. — Не Мурлен! Не Мудлен! Мер-лин!

— Ну да. Ну да, — закивала Яга с таким видом, что даже до меня дошло: у нее есть еще не одна гениальная интерпретация знаменитого имени.

Толстяк, судя по всему, тоже об этом догадался и продолжать дискуссию не стал. Развернувшись на каблуках, он величественно зашагал к низенькой двери, всем своим видом демонстрируя оскорбленное достоинство. Почти получилось, если не считать, что у самого порога задравший нос дурень запутался в полах собственного балахона и в проем вылетел буквально кувыркком под ехидный хохот Яги.

Я и сама не сумела сдержать смешок, слишком уж потешно выглядели длинные панталоны в крупный цветочек, обнаружившиеся под задравшимся подолом колоритной мантии. Впрочем, улыбка моментально испарилась, стоило мне перевести взгляд на веселую старушку. Что там этот Мудлен говорил про жаркое и косточки?!

— Э...

— Хе-хе. — Яга поднялась и обошла вокруг по дуге, внимательно меня разглядывая. — Мерлин, конечно, муд... Хе-хе. Но в чем-то он прав. Неказистая нареченная, а, Вась?

— А... — опешила я. Откуда бабка знает, как меня зовут?! Меня только бывший муж настоящим именем звал, всем прочим я представлялась Валентиной.

— Молчи уж, — отмахнулась она. — Сама вижу, что сладкоголосой тебя не назовешь.

— Да кто вы все такие?! Где я?! — Мне наконец-то удалось выдавить из себя хоть что-то членораздельное. Но на ведьму это не произвело никакого впечатления.

— На Премудрую тоже не похожа. А на Прекрасную тем более... Что ж ты за Василиса такая неудачная? Васька! Вылезай! Думу думать будем!

«Откуда вылезать? Вот она я, с места не двигалась и никуда не влезала. Бредит бабуля? — Сообразив, что прямо сейчас жаркое из меня делать никто не собирается, я немного осмелела, и в голову тут же полезли вопросы разной степени безумности. — Бабка чокнутая? Или я свихнулась. Лежу себе сейчас в психушке и мультики смотрю под коктейлем из какой-нибудь дряни успокоительной?»

— Васька! — уже сердито позвала Яга, заставив меня подскочить.

Ворох тряпья на лавке зашевелился, и оттуда высунулась совершенно черная кошачья морда с зелеными глазищами.

— Мря?

— Ты не мрякай! — цыкнула зубом старуха. — Этот мрякает, та мычит. С ума сойдешь тут с вами и не заметишь! Ни минуты покоя...

И тут, словно подтверждая картинные стенания бабки, в дверь громко постучали.

— Кого еще нечистый принес?! — рывкнула ведьма. Да как рывкнула: миски на столе, и те подскочили, а кот так вообще молниеносно исчез в тряпках, вроде и не было его.

— Ягуся, — позвали с улицы таким густым басом, что мне показалось, будто в избушку стучится здоровенный шмель.

— Ох ты батюшки! Погоди, касатик! Неодетая я! — всполошилась карга и заметалась по комнате, забыв и о коте и обо мне.

Я о себе напоминать старой ведьме по понятным причинам не спешила. Во-первых, все еще не решила, кто здесь чокнутый — я или все прочие. А во-вторых... Во-вторых, непонятно, кому вообще напоминать: на моих глазах от «старой ведьмы» оставалось все меньше и меньше. Сначала в глиняный горшок на полке полетела здоровенная бородавка вместе с огромным шнобелем и кривым зубом, непонятно каким образом сменившись вполне себе приличным носиком. Костяная нога и латаная юбка отправились в большой сундук. Туда же бабка... Да нет! Уже совсем не бабка... Короче говоря, пару минут спустя у маленького зеркальца крутилась брюнетка лет тридцати в джинсах и тесноватой розовой футболке.

— Так вы актеры! — Облегчение, сквозившее в каждом звуке, мне скрыть не удалось. — Ну, наконец-то разобралась. Здорово как сыграли. И зуб такой натуральный... Прямо ух! Представляете, я уже почти поверила, что стала какой-нибудь попаданкой...

Бывшая старуха медленно обернулась, вроде только сейчас вспомнила о моем существовании. Слова застряли в горле под пристальным взглядом черных глаз. Я невольно вжалась спиной в теплый бок печи: что теперь-то не так?!

— Актеры, говоришь? — Она залиvisto расхохоталась.

— Ягуся! — снова понеслось из-за двери. — Где моя ведьмочка?

— Мама... — выдохнула я, заметив, как зрочки Ягуси сузились в две узкие полоски, как у кошки.

— Не, я бы такую дочку в колыбели придушила, — мотнула головой ведьма и смерила мою тушку таким оценивающим взглядом... Гроссбух мне на макушку, чувство было такое, будто на мне этикетки висят: корейка там, лопатка и прочий филей. Но прежде чем я успела завизжать от ужаса, она отвела глаза. — Годишься!

— На жаркое? — пискнула я.

— Тьфу ты, дура, — скривилась Яга. — На замену мне годишься.

— Я?

— Нет! Васька, кот мой, — снова обозлилась ведьма. — Мне отдохнуть надо. Медовый...

— Ягуся! — перебил настойчивый шмель. То есть гость. — Я вхожу!

Ух ты. А она пищать умеет не хуже меня.

Дверь распахнулась, и в комнатухе сразу стало тесно: появился мужчина.

Нет, не так. Это был Мужчина. Огромный, что называется, кося сажень в плечах. Лапищи как ковши экскаватора. Борода — черная лопата, и не какая-то там саперная лопатка, а совковая, для уборки снега. «Вот это мужичище», — мелькнула в голове шальная мысль, пока я, разинув рот, смотрела на это чудовище. Восхищение длилось всего несколько секунд, пока ведьма с воплем: «Касатик!» не повисла у гостя на шее. Только тут до меня дошло, что дядька в ширину куда больше, чем в длину — Яге он утыкался макушкой в подмышку. Не удержавшись, слишком уж оригинальной оказалась парочка, я неприлично громко расхохоталась.

— А это кто, Ягуся? — поинтересовался коротышка.

— Это... — Ведьма снова смерила меня тем самым взглядом. Смеяться тут же расхотелось. — Это наш медовый месяц.

— Чего? — в один голос выдали мы с дядькой, но ведьма уже походу все решила.

— Она меня тут подменит. Так что можем лететь.

— Куда?! — Мой затравленный писк потонул в басистом рокоте.

— На курорт, — безапелляционно выдала Яга.

— Но, э-э-э...

— Что «э-э-э»? — притопнула ногой ведьма. — Замуж меня взял?! Курорт обещал, когда заместитель мне найдется?

— Ну... Да, — пробасил дядька.

Он явно прифигел не меньше меня и так же, как я, противостоят напору хозяйки даже не пытался.

— Вот! Значит, полетели! — Не интересуюсь ни мнением мужика, ни тем более моим, Яга вытолкала нас обоих из избушки. — Василиса. На тебе все хозяйство. Смотри, вернись, каждую щель проверю!

— Да какое хозяйство?! — кое-как совладала с одеревеневшим языком я. — Думаете, если спецэффектов наворотили, так все можно? Не буду в вашем дурацком шоу сниматься! Я никаких контрактов не подписывала! Ищите другую дуру! А мне домой пора! Где тут выход?!

— А выход отсюда только я знаю, милая моя, — вкрадчиво проговорила Яга.

Трава вдруг взметнулась вверх, намертво спутав мне ноги. Я с визгом рухнула на землю.

— Сюда не так просто попасть. Но уйти отсюда еще сложнее, — продолжала она. — Сказки в детстве читала? Как добрый молодец к бабушке Яге пришел, а она ему и баньку, и стопочку, и клубочек волшебный с мечом-кладенцом поднесла. Читала?

— Читала, — сглотнула я.

— Молодец, — осклабилась ведьма. — А теперь забудь! За просто так — ничего не бывает. Ни баньки, ни клубочка. Да и я не страхолюдская бабка. Хочешь от меня службу? Сперва мне службу сослужи. А там уж долг платежом красен. И я тебе сослужу: домой отправлю. Если захочешь. Согласна?

— Так я же не ведьм... Не колдунья, — сдалась я. Что бы тут ни творилось — на шоу это никак не тянуло. Скорей уж на постановку больного на всю голову психа. А с психами, как известно, не спорят. — Придет какой-нибудь Иван-царевич, а у меня ни клубочка, ни баньки.

— Банька — за огородом, — отмахнулась Яга. — А клубочков полная корзинка в горнице. Да и вряд ли кто тебя потревожит — не сезон. Ну так как, по рукам?

Я обвела взглядом темную стену леса за забором, покосилась на траву, буквально пришившую меня к земле, и со вздохом кивнула:

— По рукам.

— Вот и отлично! — обрадовалась ведьма. Травинки тут же обмякли, отпуская мои уже успевшие занеметь ноги. — Огород поливать не забывай и Ваську корми. Полетели, касатик!

Дядька словно команды ждал, тут же взвился в воздух. Борода на глазах выросла метра на три. Пока я таращилась на это диво, Яга ловко скрутила из волосатой веревки петлю и встала в нее одной ногой.

— Не очень удобно, но зато ступу прятать не придется, — подмигнула она мне. — Вперед!

Минуту спустя я осталась одна.

— Ваську кормить не забывай! — донесся откуда-то сверху затихающий голос ведьмы.

— И богатырей! — вторил ей бас муженька.

— Каких богатырей?! — заорала я.

Но меня, разумеется, никто не услышал: проклятых колдунов и след простыл.

— Сметану я люблю холодненькую. Из погреба. Так что не вздумай мне кислятину подсовывать. — Мимо меня проследовал жирный черный котиче размером с хорошую овчарку и скрылся где-то за домом.

Чувствуя, как к горлу медленно подступает комок запоздавшей истерики, я развернулась к домику и уставилась на две здоровенные когтистые ноги, торчащие из-под крыльца. Я завизжала и, не разбирая дороги, ломанулась к видневшейся за избушкой калитке. «Только бы не заперто... Только бы не заперто...»

Никаких замков не предусматривалось. Не сбавляя скорости, я вылетела со двора ошпаренной курицей. И встала как вкопанная. В десятке шагов от забора начинался лес. Тот самый «темный и густой» из сказок. Такой густой, что даже мне с моим тридцать шестым размером было не протиснуться между тесно стоявшими стволами. Насколько темно может быть в таком лесочке, я проверять не стала и резво развернулась на сто восемьдесят градусов. И на этот раз без посторонней помощи плюхнулась в траву: на калитке в аккуратной ра-

мочке из костей висела табличка: «Прием принцев, дураков и сироток каждое полнолуние с двенадцати до трех. Иванушки и Аленушки обслуживаются вне очереди».

— Ну, мать... Ты попала, — успела пробормотать я, прежде чем отключиться.

Глава 2 ВСТУПЛЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

Я очнулась от холода. Небо над головой окрасилось багровым заревом заката. Вечерняя роса промочила меня до нитки, да еще и осела влажной прохладой на лице. Я поежилась и поспешно встала. Голова гудела немилосердно, но моя личная галлюцинация никуда не делась: еще более темный, чем днем, лес за спиной и бредовая табличка на калитке.

К калитке прилагался высокий частокол с какими-то кругляшами на остриях. В лучах заходящего солнца они казались иссиня-черными и напоминали что-то очень и очень знакомое. Всерьез испугавшись за остатки собственного психического здоровья, я не позволила себе додумать до конца, что же такое может болтаться на длинных палках, и быстро нырнула в калитку. Благо рассмотреть абсурдную табличку еще разок не представлялось возможным.

Избушка стояла точно как в сказках: к лесу задом, ко мне... Тоже задом, поскольку я от этого самого леса и шла.

«Замечательно...» — проворчала я и стала обходить голенастую громадину.

Ага, как бы не так. Стоило мне дойти до угла, как домик со скрипом и скрежетом зашевелился и снова развернулся ко мне глухой стеной. Еще две попытки обойти вредное строение тоже закончились ничем. Солнце уже почти закатилось. Его последние лучи выбивали из углов длинные черные тени, и в очерченной частоколом окружности становилось по меньшей мере неуютно. Мало того, у меня закоченели ноги в промокших джинсах, а в ветвях ставшего внезапно слишком близким леса зажглись красные огоньки.

— Да стой ты! — обозлилась я, в пятый раз безуспешно попытавшись догнать ускользящую дверь.

Избушка покачнулась и со скрипом выставила вперед одну куриную ногу. Я моргнула и вытаращилась на здоровенную фигу, которую поганая деревяшка умудрилась сложить из четырех узловатых когтистых пальцев.

— Всю жизнь умные книжки читала? — Мимо прошествовал уже знакомый черный кот. В темноте зеленые глаза буквально горели каким-то потусторонним светом.

— Чи-читала, — выдавила я из себя.

— А какие? — Он теранулся о мое бедро, едва не усадив в мокрую траву.

— Учебники, — отозвалась я, лихорадочно соображая, чем бы произвести впечатление получше. — И налоговый кодекс...

— Ну хоть читала, уже хлеб. А то был у нас тут один. И как только добрался? Все Ягу убеждал, что книжки — ахре... охре... Тьфу ты! Не выговорить! Что не нужны книжки людям, в общем.

— Анахронизм? — подсказала я.

— Ага, — обрадовался кот. — Охренизм этот самый... Он еще доказал, что леший и русалки нам только мерещатся, а Змей Горыныч помер сколько-то там лет назад. Умный дядька. Был.

— А что с ним случилось? — спросила я.

— Так и остался во дворе ночевать.

— И как? — с долей облегчения уточнила я. Судя по фиге, шустрая изба и меня сегодня привечать не собирается.

— Не знаю, — мурлыкнул кот. — Утром его тут уже не было.

— Ушел?

— Да не. Леший заигрался, завел его в болото. А там ключ и озерцо. Ну и русалки, куда ж без них. Горыныч потом еще долго жаловался, что у него брюхо хихикает...

— Брюхо хихикает? — эхом повторила я и, подскочив на месте, бросилась к избушке. — А ну, стой, курица бревенчатая!

— Ну, побегай, побегай, — бросил мне вслед кот. — Съедят уставшей, зато согрешнейся. Горыныч у нас мороженое мясо не любит.

Я пропустила колкость мимо ушей, заходя на третий круг. Мы с вредной избой уже могли бы поспорить с таинственны-

ми отметинами где-нибудь на полях Аризоны. Только там были просто круги, а у нас вытоптанная упрямым строением плоскость и полоса, набеганная мной вокруг.

Впрочем, от этой беготни была и польза. Я действительно согрелась. Заодно и мозги оттаяли. «Это же какая-то дурацкая сказка! Значит...» Я остановилась, в сотый раз рассматривая заднюю глухую бревенчатую стену, и, чувствуя себя полной идиоткой, внятно проговорила:

— Избушка, избушка, повернись ко мне задом, а к лесу передом!

Изба заскрипела, как сотня несмазанных дверей, затряслась так, будто вот-вот развалится, но не сдвинулась ни на градус. А кот... Вы знали, что коты умеют смеяться? Вот и я не знала. А они умеют. Ох, как они, сволочи хвостатые, умеют. По крайней мере, один из них, тот, что только что от хохота свалился с частокола.

— Ну, что теперь-то не так?! — взвыла я.

— Знаешь... — отозвался котяра, кое-как прочихавшись. — Ни в жисть бы не стал помогать пришлой девице. Но чую, что ты меня уморишь своими потугами, прежде чем сама наконец сгинешь. А мне еще за Грань рановато. Есть у нас еще дома дела.

— Чего? — вытаращилась я. Слишком уж знакомо прозвучала последняя фраза хвостатого насмешника.

— Чего-чего... Да ничего, — проворчал кот. — Что попросила, то и получила!

Я моргнула. Потом еще раз. А потом разом вспомнила десяток слов из тех, которые никогда не знала.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом!

На этот раз вредное строение повернулось. И дверь была приветливо распахнута. Порадовавшись, что в нормальной жизни регулярно посещала спортзал, я полезла на первую ступеньку крыльца, маячившую где-то на высоте груди.

Я что-то сказала про «приветливо»? Забудьте. Я поняла, как погорячилась, едва оказавшись в маленьких сенцах. В шустром домике царил еще более промозглый холод, чем во дворе. Видимо, пока я гонялась за ускользящей дверью, помещение успело хорошенько проветриться.

Едва я додумала эту мысль до конца, как пол под ногами заходил ходуном. Ругаясь сквозь зубы, я кувырком полетела куда-то в угол: избушка разворачивалась к любимому лесу.

Кряхтя, как столетняя бабка, я медленно собирала себя с пола. Каким-то чудом мне удалось ничего не сломать. Но о большую дубовую бочку, скромно стоявшую в уголке, я приложилась знатно. А самое интересное, что в бочке была вода, но на пол не выплеснулось ни капли. Да и прочие предметы обстановки не сдвинулись ни на миллиметр.

Покачав головой, я прошла в единственную комнату. Тут тоже ничего не изменилось. Разворошенные тряпки на лавке, тонкий домотканый половик на лежанке вплотную к печке, где я очнулась, казалось, несколько месяцев назад. На столе красовались крутобокий горшок и блюдо с единственным сморщенным яблоком. В животе тут же заурчало, напоминая, что я пропустила не только ужин, но и обед вкупе с завтраком.

Яблоко, хоть и неказистое, оказалось неожиданно вкусным, и я схарчила его вместе с семечками за пару минут. Один хвостик остался. В горшке нашлось молоко. Но его я даже нюхать не стала — с детства терпеть не могу молочное. Побродив по комнате минут десять и убедившись, что ни в печи, ни в многочисленных сундуках нет ничего хотя бы на вид съедобного, я загрустила.

Кроме того, ночной холод начал постепенно пробираться до костей. Поймав себя на том, что размеренно постукиваю зубами, я нашла на лавке дырявый платок и накинула на плечи.

— Когда холодно, печку топят...

В ворохе тряпья сверкнули зеленые глаза, которых, как и их обладателя, там еще секунду назад не было.

— Когда холодно, батареи включают! Или электрообогреватели! — огрызнулась я, с тоской поглядывая в маленькое окошко: солнце уже наполовину скрылось за деревьями. Еще немного, и в дополнение к промозглому холоду в избушке наступит кромешная тьма.

Додумавшись до такой простой истины, я забегала в полумраке, стаскивая на лежанку все тряпки, какие еще могла увидеть. Большое лоскутное одеяло, почему-то засунутое под самый потолок, я стягивала уже почти на ощупь. Сверху шмякнулось еще что-то вроде шубы, и я соорудила себе подушку. Забравшись в импровизированную постель, я глубоко вздохнула, намереваясь успокоиться и еще раз обдумать дикую ситуацию, в которую угодила.

Секунду спустя отвратительное дребезжание заставило меня подскочить и кубарем вывалиться из уютного тряпичного гнездышка. За окном ярко светило солнце, щебетали какие-то птицы, шуршал ветками узловатой яблони ветер. Я моргнула. «Вот тебе и обдумала ситуацию...»

Надеясь непонятно на что, я выглянула из окна. Но там за ночь ничего не изменилось. Тот же двор, частокол и непроходимый лес в качестве фона.

«Хотели новую жизнь — получите, — проворчала я себе под нос, накинув на плечи давешний платок. — И как теперь выбираться обратно в старую?!»

Но как я ни ломала голову, выход из сказочного театра абсурда не находился. То ли его просто не существовало, то ли мыслительному процессу мешал бурчащий от голода живот. Решив, что на пустой желудок все равно ничего умного не придумаю, я влезла на лавку, нацелившись на высокую полку, где многообещающим рядом стояли пузатые горшки, аккуратно прикрытые лоскутами белого полотна.

И тут снова задребезжало. Да так, что я чуть с лавки не сверзилась от неожиданности: по столу скакала железная тарелка.

«А это мысль!» — сообразила я, смутно припоминая, что в сказках было что-то такое для пропитания вроде горшка-самобранца, которому надо было велеть варить или не варить.

«Только во дворе, — пробормотала я, — а то кто его знает, что там на самом деле сказать надо. Получится, как вчера с избушкой, и зальет мне всю комнату супом... Или котлетами завалит...»

Представив, чем будут пахнуть кубометров двадцать котлет, полежав в тепле денька два-три, я скривилась и повторила уже вслух:

— Только во дворе.

Растянув полотенце на манер ловчей сетки, я стала медленно обходить подсакивающую тарелку сбоку. Но в тот момент, когда я уже приготовилась красивым броском обеспечить себе пропитание, блюдо звякнуло особенно пронзительно и затихло. Зато под потолок избушки рванулся многократно усиленный женский голос:

— Хорошо, что я автоответчик приладила! Не бойся! Не съест тебя блюдечко! Отвечай давай, трусиха!

Я вернулась к столу и заглянула в утомившуюся тарелку. На дне вместо возмечтанных мной котлет красовалась физиономия безответственной девицы, бросившей меня здесь на произвол судьбы.

— Не бойся, говорю! — рявкнула она, и ее лицо стало вдвое крупнее, словно заработал зум в камере.

— Да не боюсь я ничего! — возмутилась я. — Просто не понимаю...

— Или это опять Васька, паразит, куда-то наливное яблочко закатил? — перебила Яга, словно и не услышав. — Скажи балбесу, что если не вернет обратно, то я его на клубочки пущу!

— Да не знаю я, где ваш кот! — начала было я, на всякий случай склонившись над сказочным смартфоном: мало ли где у него микрофон запрятан. — И вообще...

— Понятно, — кивнула девица, явно не услышав ни слова. — Ладно. Так слушай. Продукты в погребе, дрова в сарайчике у баньки. Горшки на полках не тронь, а то такого понаделаешь — век не расхлебаем. Если какой Иван или Аленушка заглянет, всем по клубочку в зубы... То есть в руки, и пусть идут лесом. Ах да! Иванам можешь еще и меч-кладенец выдать. В сенцах связка висит, найдешь. И не забывай в бабку переодеваться! Узнают, что меня на месте нет, — съедят тебя и не икнут. Надеюсь, это понятно? Нос и прочий реквизит я при тебе снимала, так что найдешь. Ну а для сложных случаев под печкой две бутылки стоят: большая и малая. Из большой засидевшихся гостей поить — потом кликнешь богатырей с берега, они тело вынесут.

— Тело?! — ахнула я, едва не заглушив инструктаж ведьмы. Но, к счастью, та орала, будто пыталась докричаться до избушки с самого курорта.

— Зелье хмельное, сама варила. С двух чарок даже Черноморчик вырубается и спит сутки. Так что от любого Ивана-дурака отделаться сможешь. А вторая бутылка малая. В ней морок жидкий. Глотнешь его — внешне никто тебя от меня не отличит. Главное, языком ляпай поменьше, а ругайся побольше. Вернись — сниму личину.

Она помолчала и, словно оглянувшись через плечо, добавила совсем тихо:

— Продержишься две недели, очень мне поможешь. У нас с Черноморчиком кризис в отношениях — быт замучил, знаешь небось, как оно бывает. Смена обстановки и романтика — самое то. А как тут сменишь, когда что ни день, какой-нибудь дурак в калитку ломится. Вся романтика сразу вдребезги. Рожки да ножки остаются — ни покататься тебе, ни повалиться. Ну, в общем, ты тоже женщина, понимать должна. Не будет шума — любое твое желание исполню, без обмана. Ведьмино слово даю.

Тут она снова оглянулась через плечо и быстро свернула разговор:

— И богатырей кормить не забывай!

Изображение мигнуло и погасло. А я, будто сбросив какое-то наваждение, разразилась бранью, швырнув чертову тарелку через всю комнату.

— Поможешь?! Я тебе помогу! Я тебе так помогу! Желание она исполнит. Да засунь ты себе это желание...

Я осеклась на полуслове: а почему, собственно, нет? Что меня там, в том мире ждет? Номер в дешевой гостинице? Так и он через неделю ждать перестанет. Я потрясла головой, пытаюсь отогнать несбыточные мечты. «Волшебства не бывает!»

— Ягуся о нас, грешных, вспомнила, — раздалось от двери, и на стол вспрыгнул котяра. — И как она там, на курортах?

— Хорошо, — выдавила из себя я.

А «несуществующее» волшебство в лице, то есть в морде наглого здорovenного болтливового котички сунулось в горшок и принялось что-то там громко лакать. Я покосилась на угол, куда улетело местное воплощение смартфона, потом на хвостик, оставшийся от вчерашнего яблочка, и снова выругалась: «Ну что, и. о. Бабы-яги, будем в должность вступать?»

Глава 3

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ... А Я ГОРОДСКАЯ, ГРОМ МЕНЯ РАЗРАЗИ

— Вась, а Вась? — заискивающе позвала я. — А где тут магазин поблизости?

Кот вынул морду из горшка, облизал мокрые усы и воззрился на меня наглыми глазищами.

— Ну, лавка продуктовая, — попыталась перейти на сказочный я. — В смысле харчевая лавка... Или как-то так...

Окончательно запутавшись, я с надеждой посмотрела на кота.

— Лавка? — степенно отозвался Василий. — Лавка есть. Недалеко. В городке ближайшем.

— Тут и город есть? — обрадовалась я. — Отлично. Как туда добраться?

— Тебе никак, — спокойно выдал нахальный зверь. — Забыла, что Яга наказала? Пока она не вернется, тебе отсюда ходу не будет.

— Так я и не пойду. Ты сбегашь быстренько туда и обратно... Ты же говорящий, вот и закажешь.

— А платить чем будешь, быстрая ты наша?

Испугавшись, я похлопала себя по бокам и с облегчением нащупала в заднем кармане джинсов портмоне. И как только не выронила, пока за своенравным жильем гонялась?

— Найду чем. Ты сбегай. За час обернешься?

— За час? Смотри, — котяра прыгнул на подоконник, — вот лес. Видишь?

— Его, пожалуй, не заметишь, — фыркнула я, приплясывая на месте от нетерпения.

— Пойду я прямо до самых гор. Там поверну налево, и в двухдневном переходе будет перевал. Семь гор перейду и спущусь в долину. А там и до Речного царства недалеко. Семь рек только переплыть, и на месте.

— Семь гор, семь рек... — повторила я, медленно закипая. — Ты издеваешься?!

— С чего бы? Самой близкой дорогой с тобой делюсь. Седмицы за две точно доберусь.

— И еще столько же обратно?! — возмутилась я. — Точно издеваешься!

— А обратно мне не понадобится. Там уже Ягуся со своих курортов вернется и заберет меня, бедолагу. Так что я лучше там где-нибудь и подожду. Целее буду.

— С курорта, — машинально поправила я, припомнив нечеловеческий взгляд черных глаз.

— Я и говорю: «С курорта». Она сама так говорила. Мол, там полно куриц, но море и мужики — красивые.

— У нее же Черномор есть, — опешила я.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Поздравляем. Вы назначены	18
<i>Глава 2.</i> Вступление в должность	25
<i>Глава 3.</i> Есть женщины в русских селеньях... А я городская, гром меня разрази	31
<i>Глава 4.</i> Волшебные удобрения	36
<i>Глава 5.</i> Неучтенный богатырь	41
<i>Глава 6.</i> Язык мой — враг мой	50
<i>Глава 7.</i> Из Яги в нечисть	55
<i>Глава 8.</i> Слово нечисти	61
<i>Глава 9.</i> Театр одного актера	67
<i>Глава 10.</i> Мама, папа, дядя, я — вот вам новая семья	73
<i>Глава 11.</i> Быт и рутина на сказочный лад	79
<i>Глава 12.</i> Минус раз	86
<i>Глава 13.</i> По плану	94
<i>Глава 14.</i> Англицкий Илюшка, а цена — полушка	99
<i>Глава 15.</i> Инициатива и ее последствия	107
<i>Глава 16.</i> Подстава	113
<i>Глава 17.</i> Думать иногда полезно	120
<i>Глава 18.</i> Дела минувших дней	126
<i>Глава 19.</i> Средство от дурака	131
<i>Глава 20.</i> Дозревшая проблема	136
<i>Глава 21.</i> По грани	143
<i>Глава 22.</i> По грани (<i>продолжение</i>)	148
<i>Глава 23.</i> По грани (<i>окончание</i>)	153
<i>Глава 24.</i> Кошачьи фобии	160
<i>Глава 25.</i> Началось в колхозе утро	165
<i>Глава 26.</i> Аналог первого сентября	171
<i>Глава 27.</i> Дым над лесом	176
<i>Глава 28.</i> Опять двадцать пять	180
<i>Глава 29.</i> Здравствуйте, я ваша мама	187

<i>Глава 30.</i> Дежавю	194
<i>Глава 31.</i> Двойной удар по нервам	202
<i>Глава 32.</i> Комплекс медвежьих услуг	207
<i>Глава 33.</i> Предсказуемые шпионы и случайные разведчики	212
<i>Глава 34.</i> Интрига завязывается	217
<i>Глава 35.</i> И запутывается...	222
<i>Глава 36.</i> И частично распутывается	231
<i>Глава 37.</i> Тот самый момент, когда...	240
<i>Глава 38.</i> Горькая победа	250
<i>Глава 39.</i> Увольнение по собственному желанию	256
<i>Глава 40.</i> Не место для живых	263
<i>Глава 41.</i> Самая главная битва	269
<i>Эпилог</i>	273